

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«**СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
Т.Ю. Сидорова
подпись инициалы, фамилия
« ____ » _____ 2022 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Доктрина евразийства во внешней политике Российской Федерации

Руководитель	_____	зав.кафедрой, к.ю.н	<u>Т.Ю. Сидорова</u>
	подпись, дата	должность, ученая степень	инициалы, фамилия
Выпускник	_____		<u>С.А. Воронин</u>
	подпись, дата		инициалы, фамилия

Красноярск 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Доктрина евразийства	5
Глава 2. Предпосылки становления евразийства как внешнеполитической доктрины на современном этапе	14
Глава 3. Внешнеполитические средства реализации евразийства.....	20
Заключение	35
Список использованных источников	41

ВВЕДЕНИЕ

Международные отношения – динамичный феномен, в рамках которого все участники как влияют на его состояние, так и подвергаются встречному влиянию. Главными акторами международных отношений на сегодняшний день являются государства. Говорить о статичности системы международных отношений видится невозможным, а отрицать наличие изменений в существующей системе международных отношений нецелесообразно. В данных условиях необходимо выявлять векторы развития и глобальные цели государств, для более глубокого анализа и ясного понимания существующей геополитической реальности.

В данной работе рассматриваются идеи евразийства как внешнеполитической доктрины Российской Федерации, применяемые на практике, а в особенности те их аспекты, которые говорят об их фактическом существовании.

Идеи евразийства с момента своего появления заняли почетное место в умах политиков и мыслителей российского государства, ведь само положение России на геополитической арене трактовало свои правила игры: расположение между востоком и западом, огромные территории, богатые ресурсами.

Идеи и принципы, формировавшиеся с конца 19 века сегодня обретают практическую значимость ввиду складывающейся обстановки на политической арене. Возможность имплементации евразийства во внешнеполитический вектор все более жизнеспособна и реальна.

Актуальность данной темы обусловлена не только внешнеполитической обстановкой и вопросами международного характера, но и современностью многих постулатов и идей евразийства и возможности их имплементации сегодня.

Объект исследования – политические и геополитические идеи евразийства.

Предмет исследования – евразийство во внешней политике Российской Федерации.

Цель работы: рассмотреть основные идеи евразийства в историко-политическом аспекте, а также проанализировать их в аспекте современного внешнеполитического вектора Российской Федерации.

Задачи исследования:

- проанализировать исторический и политический аспекты появления и развития идей евразийства;
- проанализировать предпосылки становления идей евразийства в качестве внешнеполитической доктрины России;
- проанализировать внешнеполитические средства реализации идей евразийства.

Научная разработанность: данный вопрос исследовали в своих работах Н. С. Трубецкой, Н. Я. Данилевский, А. Г. Дугин и др.

Структура работы: Работа состоит из следующих разделов: введение, основная часть (первая, вторая и третья главы), заключение, список использованных источников.

1. Доктрина евразийства

Рассматривая евразийство как внешнеполитическую концепцию или доктрину Российской Федерации, очень важно проанализировать истоки идей евразийства, их существование и влияние, а также значимость в исторической ретроспективе. В этой главе будет рассмотрен исторический контекст теории евразийства в российском государстве, что даст достаточную базу и коннотацию для последующих частей работы.

Как появились идеи евразийства? Что стало причиной их появления? И почему эти вопросы продолжают звучать уже более века? При чем здесь Россия? С этих вопросов стоит начать понимание истоков евразийской идеологии или, правильнее сказать, идей. Вопрос о положении российского государства на карте мира звучал рефреном сквозь эпохи, и даже сегодня мы отчетливо его слышим. Если мы рассмотрим идеологические основы, на которых строилось наше государство в последние сто лет, то мы увидим маятник с невероятной амплитудой: из империи во главе с монархом и классическими христианскими ценностями наша страна на государственном уровне стала атеистической, управляемой партией и народом державой, впоследствии создавшей неоднозначный синтез идей под конец своего существования; после чего были предприняты шаги по приспособлению идеологии западных держав. Все из вышперечисленного имело как положительные, так и отрицательные последствия для идеологии как на внутригосударственном, так и на международном уровнях.

Одно из самых очевидных – это отсутствие главенствующей идеологии в Российской Федерации, однако отсутствие таковой *de jure* не означает отсутствие *de facto*. По мнению некоторых экспертов, таковой идеологией на сегодняшний день выступает евразийство [1].

Евразийство берет свое начало в XIX в., однако окончательно формируется лишь в 20-х годах следующего столетия, во многом становясь реакцией на революцию и перелом устоев, активно формируется и развивается

в среде русской эмиграции. Сильная сторона евразийского концепта есть его многогранность, полидисциплинарность и многоплановость; подобное строение произошло благодаря тому, что в формировании его принимали участие ученые и мыслители разного толка: философы, этнографы, культурологи и т. д. Одним из наиболее известных был Л. Н. Гумилев. Как утверждают некоторые исследователи, евразийство становится продолжением идей славянофильства, хотя в некоторых аспектах его идеи во многом обособлены от славянофильства, при этом сохраняя связь с «материнским течением».

Стоит отметить, что предтечей или даже идейным вдохновителем евразийцев стал Николай Яковлевич Данилевский, в своей книге «Россия и Европа» [2] описавший и проанализировавший давнее противостояние, заключенное в самом названии работы. Также одним из его постулатов, в последствии перенятым Трубецким, было переосмысление линейности и европоцентричности мировой истории [3]. Немаловажным видится и взгляд Н. Я. Данилевского на общечеловеческую цивилизацию: по его мнению, её не существует, а присутствуют лишь культурно-исторические типы, чья утопическая цель и есть единая общечеловеческая цивилизация. На первый взгляд кажется, что данный тезис интересен лишь в аспекте культурологическом или философском, однако Н. Я. Данилевский и Н. С. Трубецкой активно оперируют данной концепцией для раскрытия вопроса европейского культурного и политического экспансионизма, в т. ч. появлении русофобии и периодической натянутости отношений между Россией и Европой.

Возвращаясь к вопросу влияния идей славянофильства на ранних или же классических евразийцев, нельзя не упомянуть мысль об особом значении Азии и ее влияния на Россию. Российское государство, европеизированное Петром первым лишь внешне и поверхностно, все еще оставалось во многом азиатским государством, и потому послереволюционное похолодание в отношениях с Европой воспринималось современниками-евразийцами весьма органично [4]. Более того, сама идея европоцентричности строения мира есть, наверное, одна

из наиболее широко отрицаемых мыслей среди евразийцев как сто лет назад, так и сейчас. Один из основоположников евразийства Н. С. Трубецкой в своем труде «Европа и человечество» обосновывает едкость европейского экспансионизма, по сути, как социокультурного, так и политического. Опираясь терминами космополитизм и шовинизм, автор строит следующий логический ряд: европейский космополитизм есть высшая степень общероманогерманского шовинизма, возвращенного на базисе римского господства [5].

Само понятие евразийства стоит понимать в двух вариантах, а именно:

- философская мысль;
- общественно-политическое течение и идеология [6] (в т. ч. идеология русской эмиграции).

Таким образом, классическое евразийство складывалось из различных компонентов, но не все из них важны в рамках данного исследования, например воззрения Л. Н. Гумилева, сформировавшиеся в концепцию этногенеза и пассионарности, значительно дополняют идеи евразийства, однако наиболее полезны в разрезе философского восприятия данной концепции, с политической же точки зрения весьма плоски и опциональны. Посему, идеи «последнего евразийца» рассмотрены не будут.

Однако, стоит отметить, что в момент своего появления и становления идеи евразийства были мало распространены на территории российского государства, а существовали в среде эмиграции и лишь впоследствии стали влиять на политическую мысль.

Тем не менее, как бы тщательно и многосторонне ни была проработана общая идея евразийства, как и у любой другой теории или концепта у нее существуют недостатки и критика. Одним из критиков классического евразийства стал современник – Н. А. Бердяев. Если откинуть религиозно-философскую направленность размышлений Н. А. Бердяева в критике евразийцев, то можно сделать следующие выводы: во-первых, евразийцы, по его мнению, являются лишь продолжателями славянофилов и их реакционных

антиевропейских взглядов, во-вторых, восприятие евразийцами культурно-исторического типа (а впоследствии можно говорить и о политическом аспекте) завязано на статической и автаркичной модели существования, и в-третьих, евразийцы делают слишком сильный акцент на азиатскую компоненту, то есть азиатское им ближе, чем русское.

При всей данной критике Н. А. Бердяев отмечает и положительные аспекты современного ему евразийства: невозможность реставрации старых порядков, а также четкое и своевременное понимание мирового кризиса и смены эпох, более того, философ соглашается с евразистами в том, что Европа перестает быть монополистом культуры как одного из важнейших инструментов, а именно в разрезе того, что иные культурно-исторические типы (государства) выйдут на первый план в будущем [7].

Говоря о критике евразийства, стоит отметить один из самых больших минусов, а именно: неоднородность идей, а зачастую и основ евразийства, которая вытекает из того, что мыслители, формировавшие направление, не только были учеными из различных сфер, но и имели зачастую полярно противоположные взгляды на мир и на евразийство в целом; можно с уверенностью сказать, что главное достоинство стало и самым большим недостатком всего движения, что признавали не только современники, но и основоположники.

Также критике подвергались различные аспекты евразийства, коих, как упоминалось выше, имеется обширное разнообразие: религиозно-философские, культурологические, этнографические [8]. Однако в рамках данной работы рассмотрение данных вопросов видится нецелесообразным в силу углубления понимания политических основ идей евразийства и их применения.

Таким образом, можно выделить некоторые основополагающие аспекты евразийской концепции в ее классическом понимании:

1. невозможность примата какой-либо культуры над другой (другими);
2. многообразие культурно-исторических типов (культур);
3. самодостаточность парадигмы «Россия-Евразия».

Однако, как и многие теории и идеи, евразийство пережило своих создателей, и сегодня мы являемся современниками уже не классического евразийства, а неоевразийства. Неоевразийство можно определить как идеологию ответную глобализации и тем принципам, на которых идеологически и культурно строится западное общество. Как и классическая теория, неоевразийство отвергает эталонность западной модели, декларирует многополярность мира, а также, что вытекает из вышеизложенных пунктов, помогает переосмыслить понимание национальных интересов и глобализации, при этом не отрицая ее экономический аспект, а лишь подчеркивая невозможность ее использовать как единую и всеобъемлющую культурную и политическую парадигму. Опасность глобализации видится в том, что именно она становится препятствием для органичного развития отдельной культуры, а стандартизация по западному образцу уничтожает многообразие культур. [9]

Таким образом, можно заметить идеологическую прочность концепции евразийства в сочетании с гибкостью применения к современным вызовам спустя более ста лет после появления, однако, возможно, что на континенте сегодня существуют старые проблемы, но лишь с новым обликом.

Одним из самых известных неоевразийцев является А. Г. Дугин, чьи взгляды довольно часто критикуются и даже ставится вопрос, принадлежит ли он к числу евразийцев вообще? Поэтому, рассмотрев критику идей, можно во многом и рассмотреть различия классического евразийства и неоевразийства А. Г. Дугина как наиболее яркого и плодотворного мыслителя данного направления:

1. основная идея евразийства «Евразия» как концепт отсутствует в трудах А. Дугина, присутствует лишь размытое понимание и рассуждения;
2. классики евразийства в вопросах внутривнутриполитического характера углублялись в вопрос наилучшего социально-политического устройства российского государства, что отсутствует в учении А. Г. Дугина (однако данная черта с точки зрения международных

отношений не является ключевой в вопросе сходства и различий теорий);

3. классическое евразийство делало акцент на православии как на мировоззренческом базисе, в свою очередь дугинская школа не использует идеи православного христианства в качестве ключевых, однако стоит отметить, что вопрос религиозный в современном мире пусть и не исчез, однако спустя сто лет с момента формирования евразийского течения религиозный аспект несколько изменился и перестал быть тем инструментом, каким его видели евразийцы;
4. Универсальность геополитики А. Г. Дугина как отличительная черта неоевразийства [10].

При всем при этом можно отметить основную точку соприкосновения классической и неоевразийской теорий – столкновение запада и востока. Однако, если в классическом евразийстве этот конфликт освещался больше с религиозно-культурной точки зрения, то в трудах А. Г. Дугина инструментом для раскрытия данного противостояния становится геополитика. В целом, говоря о евразийстве (в том числе, и о неоевразийстве), стоит отметить, что довольно часто в литературе встречаются параллели с геополитическими моделями: евразийцы – континенталисты, Европа (Запад) – атлантисты [11].

Еще одним сходством неоевразийства и классического евразийства является само понимание идеологии. Евразийцы двадцатого века мыслили о том, что сама идея евразийства для народов Евразии должна стать объединяющим элементом. А. Г. Дугин в своей политической деятельности, пусть и по-своему, но продолжает этот вектор, а именно – является лидером Международного евразийского движения [12].

Однако в трудах данного автора прослеживается четкая линия, говорящая о первостепенности геополитики в условиях сегодняшнего миропорядка. Данное утверждение видится, как уже упоминалось выше, особенностью взглядов. При всем при этом исходя из взглядов и содержания работ А. Г. Дугина можно сделать вывод, что евразийство это наилучшая модель

объяснения и прошлого (как минимум, столетней давности), и настоящего, и возможность предсказания, планирования будущего.

А. Г. Дугин обосновывает важность геополитического инструмента и неотделимость его от евразийских идей в следующих сентенциях:

1. холодная война велась на основании противостояния идеологических парадигм, по ее окончании за неимением новых противоборствующих идеологий, блоков геополитические концепции выходят на первый план, становясь руководящими в вопросах глобального соперничества;
2. само геополитическое расположение России, по мнению автора, тесно соотносится с понятием Heartland'a;
3. активизацию западных геополитических исследований на примере трудов Ф. Фукуямы, З. Бжезинского, Г. Киссинджера, С. Хантингтона, также следует понимать как продолжение противостояния [13].

На наш взгляд, соотношение геополитического понятия «суша» (противостоящее атлантизму) и евразийства в целом в трудах Александра Дугина видится весьма органичным и своевременным, при всем при этом невозможно воспринимать данные категории полностью тождественно. Ведь если противостояние суши и моря исходит из классических геополитических теорий, то евразийство изначально складывалось как идейно-политическая и культурная парадигма, хотя при этом, обосновывавшая вышеупомянутое столкновение.

Немаловажным аспектом в неоевразийстве А. Г. Дугина становится и экономика как краеугольный камень преткновения между западом и востоком. По мнению автора, западный мир на сегодняшний день находится в парадигме постмодерна, когда для Евразии ступень модерна еще не пройдена. Ввиду данного аспекта рассматриваются возможные варианты модернизации по-западному либо по собственному пути. Александр Дугин как евразист настаивает на приоритете национального интереса, что, соответственно, говорит о необходимости преодоления данного препятствия для каждого из государств своим путем [14].

Еще одним немаловажным ответвлением, пусть и не таким разработанным и популярным, является прагматичное евразийство, которое описал доктор экономических наук, директор Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития Е. Ю. Винокуров. В его концепции прагматическое евразийство обладает следующими характеристиками, где: во-первых, интеграция не самоцель, а лишь инструмент достижения целей на постсоветском пространстве, во-вторых, Россия не может быть единственным локомотивом евразийской интеграции, в-третьих, автором описывается важность социально-культурной интеграции [15].

Стоит отметить, что в отличие от идей классического евразийства данный взгляд носит более прикладной, нежели теоретический характер и направлен, в основном на реализацию интеграционных процессов существующих евразийских объединений.

Подводя итоги главы, можно сделать следующие выводы:

1. классическое евразийство, зародившись чуть более века назад как философские и идеологические воззрения, лишь сейчас приобретает все более очерченную политическую форму;
2. классические идеи евразийства становятся базисом для современного применения их на практике;
3. исходя из двух вышеизложенных пунктов, только сегодня можно говорить о становлении евразийства как политического течения в современной России.

Проводя параллели между классическим евразийством и его современными формами, тяжело не увидеть связи исследуемого течения с иного рода общепризнанными теориями и концепциями, особенно если говорить о евразийстве в геополитическом аспекте.

Стоит сразу разграничить евразийство от геополитических, цивилизационных и иных концепций в силу его собственного полидисциплинарного характера. Например, вспомнив одну из самых известных геополитических теорий – географической оси истории сэра Х. Дж.

Маккиндера, методом сопоставления тех пространств, о которых идет речь в обоих случаях, можно найти много общего. А именно: обе теории строятся вокруг одного и того же пространства – Евразии, также подчеркивается историческая и политическая важность данного пространства и более того благодаря теории Маккиндера сформировалась одна из важнейших максим геополитики «дуализм суши и моря», которая так или иначе совпадает с противопоставлением России Европе у евразийцев. Однако при всей схожести, пусть и под разными углами, концепция евразийцев не геополитическая и потому может стоять в одном ряду с детищем Маккиндера лишь в случае теоретического анализа.

Теория С. Хантингтона о столкновении цивилизаций более схожа с евразийским концептом в силу того, что обе теории берут в расчет этно-социальный, культурный и религиозный аспекты. Однако проводить сравнительный анализ данных идей не представляется возможным ввиду того, что «Столкновение цивилизаций» есть теория, обосновывающая и объясняющая состояние международных отношений в целом, а не в отдельно взятом регионе, когда как евразийство же ставит своей задачей в первую очередь обосновать ход развития российского государства, то есть является локальной или же региональной теорией.

Таким образом, даже на примере двухсторонних теорий прослеживается четкое понимание того, что евразийство нельзя отнести ни к геополитическим, ни к цивилизационным теориям. Возможно, классики-основатели весьма точно определили евразийство как идеологическое течение, что весьма точно помещает в себя всю многосторонность и глубину проработки концепции.

Широта взглядов классиков евразийства позволила сформировать многогранную концепцию, благодаря которой сегодня возможно не только ее теоретическое применение в рамках анализа международных отношений, но и практическая имплементация на мировой арене.

2. Предпосылки становления евразийства как внешнеполитической доктрины на современном этапе

Рассматривая предпосылки того, как евразийство утвердилось в качестве внешнеполитической доктрины, целесообразно обозначить отправную точку, точку отсчета актуальности идей евразийцев. Понимание возможного применения евразийской концепции к региональным отношениям и есть момент исхода, иначе говоря, точка бифуркации.

На наш взгляд, отправной точкой можно считать конец XIX – начало XX вв. тот же момент, когда и формировались, и впоследствии оформились идеи ранних и в последствии классических евразийцев. Однако стоит отметить, что данный период будет закладывать базис для последующих событий, которые и явятся предпосылками для становления евразийства в качестве внешнеполитической доктрины современной России.

Для понимания точки отсчета необходимо обратиться к одной из основополагающих идей евразийства – противопоставление России и Запада. На первый взгляд, данная идея весьма проста и означает лишь, то, что Россия как государство в культурном, политическом, религиозном и иных аспектах при всем своем сходстве и историческом пути противопоставлена Европе, на основаниях, которые сама романо-германская общность и создала (как было ранее описано в первой главе). Однако, рассматривая более подробно, из данного утверждения вытекает следующее предположение: если Россия априори не Европа, тогда наверняка Азия [16]. Однако эта формула разрушает себя на этапе осмысления, ибо российское государство, располагаясь большей частью своей территории в азиатском полушарии, произрастая из старого света, развиваясь по канонам европейской державы, пусть и восприняло в себя азиатский дух, однако не стало азиатским в полной мере. Отсюда втыкает парадокс евразийской концепции, который следует раскрыть именно в данной части исследования; представим его в виде полурифмованной максимы: Россия не Европа, Россия немного Азия, Россия – Евразия.

На наш взгляд, у данной формулы существует две трактовки: во-первых, в понимании классических евразийцев, во-вторых, исходя из анализа современных международных отношений/ нынешних реалий отношений между следующими категориями: коллективный Запад, Россия, постсоветское пространство, Азия (КНР, Япония).

Первый подход весьма прост: российское государство само по себе есть самодостаточный концепт (как в геополитическом, так и в социокультурном аспектах). Отсюда вытекает достаточно большой недостаток такого взгляда, а именно – изоляционизм. Конечно, данная черта может быть и полезна в вопросе внутривосточного развития и прогресса, в вопросе формирования независимости от мирового сообщества в случае различного рода катастроф, будь то пандемия, экономический кризис или же экономические противостояние влиятельных акторов. Однако тяжело оспорить тот факт, что на сегодняшний день автаркичность если не невозможна, то маловероятна в условиях того, насколько сильно глобализировалась мировая арена в последние десятилетия.

Второй подход заключается в следующем: построение стабильной интеграционной базы на евразийском континенте, в том числе на постсоветском пространстве, а также развитие и укрепление связей России с сопредельными государствами евразийского региона при усилении собственных позиций и наращивании внутреннего потенциала. Данный вариант развития событий представляется наиболее возможным в свете событий, происходивших как на мировой арене, так и на постсоветском пространстве, а также факторов, которыми обусловлено нынешнее состояние мировой политики.

Одним из ключевых факторов является понимание существующей системы международных отношений. Очевидно, что на сегодняшний день человечество вступило в новую эру своего развития, а именно в эру цифровых технологий и продолжает свой путь в этом направлении – увеличение количества акторов и усиление их влияния (например, ТНК), повсеместная

цифровизация как на личностном и государственном уровнях, так и на международном (появление новых форм дипломатии), а также появление доселе невиданного феномена цифрового пространства [17]. На примере данных явлений можно увидеть, что существующая система международных отношений тесна для всех категорий явлений и феноменов, коими насыщен наш мир сегодня, не говоря уже о более традиционных сдвигах: изменение центров силы, появление или угасание чьей-либо гегемонии, роль фактора религии, главенство той или иной парадигмы или догмы.

Затрагивая вопросы классические для дискуссии о миропорядке, нельзя не упомянуть спор о том каков в целом миропорядок сегодня. После окончания холодной войны наступил так называемый «конец истории» и, по мнению многих экспертов, рах Americana, однако Российская Федерация продолжила развиваться и наращивать влияние и мощь, как например и Китай [18]; более того спустя три десятка лет после окончания холодной войны, на наш взгляд нельзя говорить об однополярном мире, в силу того что все более четко прослеживаются тенденции к многополярному миру или же регионализации.

При всем при этом вопрос миропорядка не соотносится напрямую с темой исследования, хотя рассмотрение вопроса нынешнего миропорядка и миропорядка который формируется и будет сформирован в будущем [19] (либо же останется без изменения) очень чётко соотносится самой концепцией евразийства на уровне вопроса вероятности не многополярного мира, а многостороннего, что в свою очередь наводит нас на следующую мысль: евразийство как идеологическая концепция учитывая её широту и глубину разработки легко впишется в построении многостороннего мира, так как многосторонний миропорядок предполагает под собой не систему балансиров, но построение кооперации на основе интересов акторов посредством создания выгодной взаимозависимости [20][21]. Ввиду чего безопасность стабильность и в целом кооперация и содействие на евразийском пространстве может быть выполнена в полной мере. Особенно учитывая то, что концепция евразийства в классическом его понимании носит абсолютно не милитаристский и не

экспансионистский характер, а более того опирается на социально-культурные аспекты, которые могут быть применены в том числе для построения качественного и плодотворного сотрудничества. В свою очередь, это позволяет нам говорить о том, что как раз-таки концепция евразийства благодаря своей полидисциплинарности и в определенном смысле бессистемности очень чётко вписывается как в сегодняшний миропорядок, так и в возможный многосторонний.

Не менее важным при рассмотрении предпосылок видится, затрагивавшийся еще классиками евразийства конфликт Европы и России, который сегодняшний день принимает немного иную формулировку: Россия и «коллективный Запад». Запад, в частности Соединенные Штаты Америки, стремясь расширить свою зону влияния создавали региональные блоки или же использовали иные методы для наращивания и поддержания влияния в регионах так или иначе выгодных для них.

Такое расширение влияния в том числе на постсоветском пространстве имело одну особенность, которая видна и сегодня – это игнорирование геополитических интересов Российской Федерации и вторжения в ее традиционную сферу влияния. Например, вовлечение некоторых бывших союзных республик в сферу влияния «коллективного Запада» посредством вливания их в интеграционные и блоковые структуры ЕС и НАТО соответственно.

Без преувеличения можно сказать, что украинский кризис стал показательным примером в противостоянии Россия – Запад. Начавшись со стремления Украины к интеграции в Европейский союз, конфликт как внутривосточный (несогласие населения некоторых административных единиц) перерос в гражданскую войну, а на сегодняшний день может быть квалифицирован как вооруженный конфликт международного характера. Однако украинский конфликт требует более детального анализа в силу обширности его причин, а также ввиду того, что на данной территории происходит столкновение интересов не только Российской Федерации и

Евросоюза как основных региональных акторов, но и США в совокупности с НАТО, а также иных игроков, например Турции.

Само расширение НАТО видится в качестве геостратегического аспекта региональных отношений и таким образом становится еще одной предпосылкой к становлению евразийства в качестве внешнеполитической доктрины Российской Федерации. Геостратегический аспект в свою очередь состоит из следующих компонентов: расширение НАТО на восток и милитаризация новых политических пространств на примере арктического региона. На первый взгляд данные компоненты не имеют связи, по крайней мере не имели до недавнего времени. Новый этап в расширении НАТО обозначили заявления Швеции и Финляндии о вступлении в альянс, таким образом граница НАТО-Россия станет ближе, чем когда-либо, более того это подводит нас к вопросу о столкновении интересов в арктическом регионе.

Учитывая специфику самого арктического региона и вероятную эскалацию напряжения, на наш взгляд, необходимо дать характеристику региона в данном аспекте. С начала 2000-х годов арктический регион стал все больше и больше подвергаться милитаризации: активная деятельность США и стран НАТО по стягиванию вооружений, например создание баз в Финляндии, повышает уровень напряжения в регионе [22]. Стоит отметить, что данный регион в исторической ретроспективе нельзя назвать ни нейтральным, ни милитаризованным, то есть точечные столкновения военных контингентов в приполярных территориях происходили во времена вооруженных конфликтов и войн. Например, мурманская операция вермахта в начале ВОВ 29 июня 1941 г., основной целью которой было обеспечение обороны захваченных ранее Норвегии и Финляндии, а также захват богатых залежей никеля в финском городе Петсамо; также интересовали советские военные базы Северного флота с дальнейшим выходом в Архангельск [23]. В нашем же столетии можно рассматривать инцидент 2007 года, связанный с погружением батискафа и установлением государственного флага на дне арктического шельфа,

вследствие которого скандинавские страны пошли по пути консолидации арктической политики.

Таким образом, на сегодняшний день мы видим, что экспансия НАТО происходит не только, как это было раньше, на восток, но и на север. Что в свою очередь наталкивает на мысль об условном смыкающемся кольце вокруг Российской Федерации. Более того, вероятность эскалации в арктическом регионе может напрямую зависеть от урегулирования украинского кризиса, как одного из самых тяжелых конфликтов последнего десятилетия.

Учитывая вышеупомянутые аспекты глобального характера, напрашивается следующий промежуточный вывод: евразийство со своим балансом многоплановой открытости и самодостаточности становится ответом на возникающие вызовы, с легкостью вписываясь в анархичность и пестроту современного состояния системы международных отношений и международных отношений в целом. Более того евразийство в обозримой перспективе может стать ответом на ухудшающиеся отношения между Россией и западными странами, помочь совершить окончательный поворот в сторону евразийской интеграции, частности ее углубление и усиление.

3. Внешнеполитические средства реализации евразийства

Данная часть исследования предполагает анализ внешнеполитических методов реализации евразийства как внешнеполитической доктрины Российской Федерации, посредством исследования основополагающих документов, заявлений, а также непосредственных действий, предпринимаемых руководством страны в отношении международных отношений региональной и глобальной политики.

Учитывая факты, изложенные в предыдущей главе исследования, необходимым видится анализ таких документов как Концепция внешней политики Российской Федерации, Стратегия национальной безопасности. Однако ввиду того, что за последние десять лет произошли значительные изменения в области региональных и глобальных отношений, рассмотрение лишь последних версий данных документов, не даст должных результатов, поэтому будут рассмотрены документы актуальные как на сегодняшний день, так и предшествующие им для рассмотрения динамики данного вопроса.

Также в данной главе работы будут рассмотрены средства реализации евразийства в качестве внешнеполитической доктрины РФ, а именно ее шаги в этом направлении, актуальные вопросы и вопросы долгосрочной интеграционной перспективы.

В первую очередь, на наш взгляд, необходимо рассмотреть концепции внешней политики Российской Федерации 2013 [24] и 2016 [25] гг. Вполне логично было бы соблюсти структуру повествования концепции и рассмотреть положения второго раздела каждой из концепций, где содержатся взгляды, касающиеся мироустройства и глобальных вызовов, и роли Российской Федерации, однако учитывая цели и задачи исследования, а также его направленность, целесообразно отталкиваться от евразийского пространства.

При всем при этом вопросы глобального характера будут затронуты подобным же образом, как это было сделано в предыдущей части исследования.

Важность евразийского пространства для российского государства на протяжении последних столетий неоспорима ввиду географического положения, во-первых, и, во-вторых, из-за стечения исторических обстоятельств. Как минимум, можно говорить о том, что одно из важнейших направлений внешней политики Российской Федерации – постсоветское пространство, которое является составной, неделимой частью евразийского континента в политическом, историческом, культурном и иных аспектах. Однако здесь возникает своего рода парадокс постсоветского пространства – не все бывшие союзные республики придерживаются внешнеполитического вектора сопредельного российскому, например, Украина, Грузия и страны Прибалтики. При этом страны участницы СНГ весьма точно совпадают с пониманием постсоветского пространства, как исторического и геополитического пространства, на котором Российская Федерация представляется одним из важнейших акторов, в том числе ввиду того, что является продолжателем СССР. Таким образом, можно говорить о слиянии, в определенной степени, таких понятий как СНГ и постсоветское пространство.

Данная связь приводит нас напрямую к положениям Концепций внешней политики 2013 и 2016 гг.: п. 42–44, 46–49 и п. 49,53–55, соответственно. Упомянутые пункты относятся к разделу четвертому «Региональные приоритеты внешней политики Российской Федерации» каждой из концепций, более того они открывают данные разделы, что уже не может не говорить о первостепенности постсоветского пространства для РФ.

Однако при всем сходстве концепций в данном вопросе можно проследить и некоторые изменения в концепции 2016 года, которые касаются лишь более детального рассмотрения взаимодействия и построения отношения с отдельными странами, в том числе и в рамках интеграционных объединений: Беларусь – Союзное государство, Казахстан, Армения, Киргизская Республика – ЕАЭС. Несмотря на некоторое изменение формулировок, а более того их

уточнение ясно вырисовывается неизменная важность постсоветского пространства – стран участниц СНГ.

Для наглядности приведем цитаты формулировок концепции 2013 г.:

1. «Россия выстраивает дружественные отношения с каждым из государств - участников СНГ...» п. 43;
2. «Россия намерена активно способствовать развитию взаимодействия государств - участников СНГ в гуманитарной сфере...» п. 45;
3. «Россия будет наращивать сотрудничество с государствами - участниками СНГ в сфере обеспечения взаимной безопасности...» п. 46.

На наш взгляд данная особенность обусловлена, как минимум, тем фактом, что развитие обозначенных интеграционных объединений начало набирать обороты в период действия концепции 2013 года и те изменения, которые мы видим в действующей концепции, носили сугубо прикладной характер и были необходимы.

Как уже было отмечено ранее, изменения в концепциях касаются не только двусторонних отношений с сопредельными странами, но и развития интеграционных образований таких как ЕАЭС и Союзное Государство.

Приведем выдержки из положений концепций 2013 и 2016 гг. соответственно:

1. «Россия считает приоритетной задачу формирования Евразийского экономического союза...», «...новый союз призван стать эффективным связующим звеном между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом.» п. 44;
2. «Россия считает ключевой задачу углубления и расширения интеграции в рамках Евразийского экономического союза...», «...ЕАЭС способен сыграть важную роль в деле гармонизации интеграционных процессов в Европейском и Евразийском регионах».

В приведенных выдержках прослеживается следующая тенденция: в первом случае это формирование ЕАЭС с его последующей ролью связующего

звена, когда в следующей же версии концепции, вошедшей в силу после присоединения к Российской Федерации Республики Крым и начала санкционной политики Евросоюза, ЕАЭС рассматривается в качестве интеграционного балансира, способствующего укреплению не только экономических позиций, но и политического единения в рамках объединения.

Внимание, уделяемое ОДКБ и Союзному государству, в анализируемых концепциях равнозначно и не подверглось изменениям.

Отсюда мы можем сделать промежуточный вывод, о том, что РФ просто не может игнорировать сопредельные государства, с которыми ее роднит не одно столетие развития и становления. Таковы же и положения классического евразийства.

Немаловажным видится и положение о становлении республик Южная Осетия и Абхазия в п. 51 и 57 в соответствующих концепциях ввиду того, что, учитывая современные реалии, подобный подход к частично признанным республикам открывает определенную цепочку событий, игнорировать которые в рамках данного исследования не представляется возможным. Однако данная мысль будет продолжена после анализа основополагающих документов с целью сохранения адекватной структуры работы.

Еще один пункт, логически подвергшийся изменениям, – отношения с Украиной. Учитывая неугасающую актуальность украинского вопроса, приведем полные тексты статей, описывающие видение отношений с Украиной:

1. «... выстраивать отношения с Украиной как приоритетным партнером в СНГ, содействовать ее подключению к углубленным интеграционным процессам» п. д п. 48;
2. «Российская Федерация заинтересована в развитии всего многообразия политических, экономических, культурных и духовных связей с Украиной на основе взаимоуважения, выстраивании партнерских отношений при соблюдении своих национальных интересов. Во взаимодействии со всеми заинтересованными государствами и

международными структурами Россия приложит необходимые усилия для политико-дипломатического урегулирования внутриукраинского конфликта» п. 56.

Причина изменения описания и выделения данного положения в отдельную статью достойна отдельного исследования, однако для нас украинский вопрос является одним из принципиальных для рассмотрения в последующем.

Упомянутый нами в начале данной главы вопрос миропорядка и глобальных вызовов возможно только рассмотреть после точечного анализа региональных приоритетов российской внешней политики. Некоторые из обозначенных постулатов евразийства в первой главе очень точно коррелируют с определенными статьями вторых разделов концепций 2013 и 2016 годов – «Современный мир и внешняя политика Российской Федерации».

Таковыми положениями являются:

1. Продолжают сокращаться возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике. Происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение на Восток (п. 6, 2013 г.);
2. «В этих условиях попытки навязывания другим государствам собственной шкалы ценностей чреваты ростом ксенофобии, нетерпимости и конфликтности в международных делах и в конечном итоге могут привести к хаосу и неуправляемости в международных отношениях»; «Стремление западных государств удержать свои позиции, в том числе посредством навязывания своей точки зрения на общемировые процессы и проведения политики сдерживания альтернативных центров силы, приводит к нарастанию нестабильности в международных отношениях, усилению турбулентности на глобальном и региональном уровнях.» (п. 5, 2016 г.).

Также утверждается становление и формирование полицентричной системы международных отношений, что также было описано нами во второй

части данного исследования и напрямую соотносится с концепцией евразийства: многообразие культур, полицентричность и невозможность доминирования одного культурного концепта над другим, описанные еще классиками евразийства, для нас становятся столпами формирования многополярной или же многосторонней системы миропорядка. Более того, такая реформация невозможна без изменения ныне существующей системы международных отношений, что также присутствует в положениях концепций:

1. «...знаковой чертой современного этапа международного развития являются глубинные сдвиги в геополитическом ландшафте... Международные отношения переживают переходный период, существо которого заключается в формировании полицентричной международной системы.» (п. 5, 2013 г.);
2. «Современный мир переживает период глубоких перемен, сущность которых заключается в формировании полицентричной международной системы. Структура международных отношений продолжает усложняться.» (п. 4, 2016 г.).

Позволим себе не свойственный для научного стиля оборот: если бы основоположники евразийства прочли данные положения, то, наверное, они бы обрадовались.

Еще одним основополагающим документом является Стратегия национальной безопасности [26]. Во втором разделе, который посвящен также глобальным вопросам и вызовам, говорится о тенденции к увеличению экономических и политических центров силы, формированию нового миропорядка, правил и принципов мироустройства. В этом положения стратегии национальной безопасности не только звучат рефреном с концепцией внешней политики 2016 года, но и задают общую тенденцию и видение. Отчасти, можно сказать, что стратегия национальной безопасности восполняет определенный пробел, связанный с тем, что действующая концепция внешней политики была принята шесть лет назад, ибо вопросы внешней политики в ней проработаны детально.

Немаловажным аспектом, упомянутым в Стратегии национальной безопасности перекликающимся с идеями евразийства является отстаивание культурной и исторической идентичности нашей страны, что в концепции сформулировано как «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти». Статья 85 содержит следующие положения: «Насаждение чуждых идеалов и ценностей, осуществление без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений реформ в области образования, науки, культуры, религии, языка и информационной деятельности приводят к усилению разобщенности и поляризации национальных обществ, разрушают фундамент культурного суверенитета, подрывают основы политической стабильности и государственности...». Однако можно возразить и сказать, что подобное понимание суверенитета, духовной и моральной составляющих является вполне нормальным для любого государства и презюмируется как само собой разумеющееся. Тем не менее, стоит отметить, что в предыдущей версии стратегии [27] национальной безопасности отсутствовали вышеупомянутые положения, а в действующей версии им отведен целый раздел. Хотя при всем этом данные положения и их формулировки являются весьма эволюционными и в определенной степени размытыми, сам факт их появления в стратегии говорит о необходимости введения подобного рода понятий в основополагающий документ, ввиду актуальности информационного воздействия.

Анализируя Стратегию национальной безопасности, нельзя не упомянуть о тех ее положениях, которые напрямую связаны не столько с информационным или морально-нравственным деструктивным влиянием, а затрагивающих именно физическую целостность и безопасность Российской Федерации.

К таким положениям относятся статьи, затрагивающие геополитический вопрос – расширение НАТО. В данной работе мы не раз говорили о евразийстве как о идеологическом течении, идее весьма теоретической и, казалось бы,

затрагивающей лишь вопросы культуры, которые сегодня могут быть применены в качестве мягкой силы. Однако говоря о практическом применении и имплементации евразийского концепта во внешнюю политику Российской Федерации вопрос геостратегических условий и перспектив игнорировать невозможно. Здесь стоит вспомнить уже упомянутую нами особенность евразийства – отсутствие в ней милитаристского или же захватнического аспекта, можно даже сказать, что исходя из своей сути евразийство подразумевает оборону и защиту от агрессивного влияния извне.

Обозначив именно эти факторы и учитывая их возможно понимание геополитического и стратегического аспекта расширения НАТО. В действующей стратегии национальной безопасности содержатся следующие положения относительно данного вопроса:

1. «Усилению военных опасностей и военных угроз Российской Федерации способствуют попытки силового давления на Россию, ее союзников и партнеров, наращивание военной инфраструктуры Организации Североатлантического договора вблизи российских границ, активизация разведывательной деятельности, отработка применения против Российской Федерации крупных военных формирований и ядерного оружия.», п. 35.
2. «...Планируемое размещение американских ракет средней и меньшей дальности в Европе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе формирует угрозу стратегической стабильности и международной безопасности.», п. 36.

Взглянув на данный вопрос через призму евразийства, мы можем сделать следующие выводы: учитывая существование противостояния РФ НАТО евразийство становится геополитическим «оборонительным» ответом на экспансионистское расширение организации североатлантического альянса; введенные положения о защите культурных ценностей еще больше подтверждают евразийский характер российской внешней политики.

Подводя промежуточный вывод можно говорить о том, что даже на уровне законодательных начал российской внешней политики прослеживаются элементы евразийства, что в свою очередь лишь подтверждает наш тезис о том, что евразийство как идея является составляющим компонентом внешней политики Российской Федерации и отражена в ее действиях на международной арене.

Немаловажным явлением, требующим освещения в рамках данной работы, однако более прикладным нежели теоретические основы евразийства и основополагающие документы, является также и анализ нынешнего состояния международных отношений, а именно региональной проблематики. Говоря о региональном аспекте следует уточнить, что в данном контексте регионом для нас является не столько Евразия, а Европа. Ведь именно в Восточной Европе сегодня наиболее ярко и при этом весьма болезненно происходит новый виток конфронтации. Учитывая направленность работы, ее цели и задачи, проигнорировать данные события не представляется возможным, при всем при этом полная оценка специальной военной операции не вписывается в рамки нашего исследования, относительно данного вопроса будут рассмотрены лишь те ее аспекты, которые вписываются в цели и задачи работы.

Говоря о специальной военной операции на территории Украины, в первую очередь стоит сосредоточить внимание на тех действиях сторон, которые привели к тем обстоятельствам, которые на сегодняшний день являются данностью.

В этом свете стоит вспомнить переговоры, состоявшиеся в начале этого года главным образом между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки [28] по вопросу, который можно вольно обозначить геополитической стабильностью. В частности обсуждались вопросы нерасширения Североатлантического альянса на восток, отказ от принятия в альянс Украины и Грузии, в целом отказаться от какой-либо военной деятельности на территории Украины, также в положениях содержались меры по недопущению распространения различного вида вооружений [29]. Данные

положения не являются кратким обзором российской позиции, однако наиболее точно описывают интересующие нас вопросы. Более того в контексте исследования наибольший интерес для нас представляет не содержание предложений сторон, а реакция и последующие шаги вовлеченных государств. А именно то, что переговоры при всей своей обширности, детальности и проработке не увенчались успехом. Американская сторона отвергла пакетный характер предлагаемых мер по урегулированию отношений, а также, что следует из заявления МИД РФ, опасения из-за стягивания военных ресурсов к непосредственным границам России были проигнорированы.

Украинский вопрос, стоявший на повестке, остался нерешенным во многом благодаря полярным взглядам сторон. Согласно российской позиции вступление Украины в НАТО приведет к неминуемой эскалации: «В случае принятия Украины в НАТО возникнет реальная угроза того, что режим в Киеве попытается силой "вернуть" Крым, втянув США и их союзников, в соответствии со ст. 5 Вашингтонского договора, в прямой вооруженный конфликт с Россией со всеми вытекающими последствиями» [30].

Учитывая требования российской стороны на переговорах и ранее подведенные итоги анализа концепции внешней политики и стратегии национальной безопасности, а также учитывая последующее развитие событий, мы приходим к следующему выводу: российская позиция неэскалационная, более того неконфронтационная ввиду незаинтересованности в подобном векторе отношений между странами.

Все это вписывается в видение, описанное в Стратегии национальной безопасности. А именно в пункте 99 говорится: «В случае совершения иностранными государствами недружественных действий, представляющих угрозу суверенитету и территориальной целостности Российской Федерации, в том числе связанных с применением ограничительных мер (санкций) политического или экономического характера либо использованием современных информационно-коммуникационных технологий, Российская Федерация считает правомерным принять симметричные и асимметричные

меры, необходимые для пресечения таких недружественных действий, а также для предотвращения их повторения в будущем».

Под данную статью попадают многие действия со стороны коллективного Запада: санкционная политика, информационная дестабилизация (заявления США о готовящемся вторжении на Украину со стороны Российской Федерации с целью смены режима), а также декларируется и без того неоспоримое право контрмер.

В последующих событиях, на наш взгляд, тяжело выделить прочные причинно-следственные связи, однако обращения глав республик Донбасса и последующее их признание со стороны Российской Федерации имело очевидные последствия. Стоит отметить, что становление непризнанных республик у границ России рано или поздно должно было произойти, особенно при условии, что *de facto* им оказывалась гуманитарная поддержка, осуществлялось циркулирование капиталов, можно даже сказать, что фактически российское государство признавало их независимость. Однако после подписания соответствующих указов Президентом Российской Федерации отношения вышли на новый уровень, а именно вошли в рамки международного права. Хотя при всем при этом лидеры западных стран «решительно осудили» данный акт со стороны России и охарактеризовали его как «нарушение принципов международного права» [31].

Однако затрагивая вопрос признания тех или иных государств и вопроса нарушения международного права рационально обратиться к международной практике. Одним из самых ярких примеров – «Косовский прецедент». Благодаря заключению МС ООН акт провозглашения независимости Косова и стал своего рода прецедентом. Хотя и само провозглашение имеет некоторые особенности, во-первых, решение о провозглашении независимости было осуществлено временными политическими институтами, во-вторых, суд давал заключение по следующему вопросу: «Соответствует ли декларация независимости нормам международного права?». [32] В своем заключении суд установил, что общее международное право не содержит действующего запрета

на декларации независимости, хотя также и напоминает о том, что принцип территориальной целостности является «важной частью международного правопорядка и что он закреплен в Уставе Организации Объединенных Наций.

Стоит также отметить, что независимость Косова признана лишь частично, как и в большинстве случаев провозглашения независимости в одностороннем порядке, однако заключение МС ООН явилось стимулом к признанию независимости данной территории.

Подобное же провозглашение независимости сделали ДНР и ЛНР [33], однако широкого международного признания они не получили, более того с 2014 года это были самопровозглашенные республики, хотя при этом, как мы отметили ранее, Россия признавала их *de facto*, как и Абхазия. Более того, республики Донбасса признаются частично признанными государствами: Абхазия, Южная Осетия. Однако, стоит отметить, что данный случай осложняется вопросом территориального спора, ибо Луганская и Донецкая Народные Республики при провозглашении своей независимости определили себя в границах соответствующих областей на момент вхождения в состав Украины, в соответствии с п. 1 ст. 54 конституции ДНР [34], что соответствует принципу *uti possidetis*.

Таким образом, обвинения западных стран в нарушении Российской Федерацией международного права видится лишь одним из фрагментом глобального противостояния. Российская Федерация, как это и декларируется в документах, анализ которых был предоставлен в начале данной части исследования, действует согласно нормам и обычаям международного права, проводит открытую и предсказуемую внешнюю политику.

Исходя из вышесказанного, формируется понимание необходимости проведения актуального на сегодняшний день вектора внешней политики Российской Федерации. Украинский кризис с самого его начала не просто дестабилизировал региональные отношения, но и представлял угрозу для России в вопросе глобального, стратегического планирования, ввиду поставок оружия и финансирования западными странами. Отказ от предложенной

формулы урегулирования отношений РФ – НАТО еще более усугубили положение. При всем при этом может возникнуть вопрос о роли евразийства относительно описанных событий.

Учитывая то, что евразийство не вписывается в рамки геополитических или цивилизационных концепций (хотя весьма близко к ним), а также не является задекларированной концепцией или доктриной, оно проявляется во внешней политике РФ как нечто само собой разумеющееся. Ведь Украинский конфликт, с учетом вовлечения третьих сторон, это не вопрос владения территорией, в глобальном понимании это вопрос влияния и голоса на международной арене, а также отстаивание государственной идентичности и защиты собственного населения. А данные категории хоть и свойственны каждому государству, так или иначе перекликаются с базовыми понятиями евразийской концепции в аспекте международных отношений.

Заключительным аспектом реализации евразийства во внешней политике Российской Федерации, который будет рассмотрен в данной работе, станет анализ развития и функционирования интеграционных и наднациональных объединений с точки зрения евразийства.

На сегодняшний день таковыми объединениями являются: Евразийский Экономический Союз, Союзное Государство, Содружество независимых государств, Организация Договора Коллективной Безопасности.

Говоря о ЕАЭС, как о наиболее развитой из структур, мы сконцентрируемся на ее соотношении с евразийской концепцией. Развитие и становление ЕАЭС само по себе было бы невозможно без самого понятия Евразия, более того в начале исследования нами было отмечено, что одним из современных течений евразийства является прагматическое евразийство, которое напрямую соотносится и затрагивает направление вектора интеграции в рамках ЕАЭС. Однако существует также и иное мнение по этому вопросу, а именно применение постулатов классического евразийства в целях совершенствования данной структуры. Первостепенная важность экономической интеграции при этом не оспаривается, при всем при этом

придается отдельное значение культурной и национальной идентичности каждому из государств-членов [35]. Данный подход пусть и не декларируется на данный момент, однако, на наш взгляд, видится весьма перспективным. Существует мнение, что ЕАЭС как объединение призвано удовлетворять геимониальные амбиции Москвы, однако ведь экономическая интеграция не обозначает безусловную политическую интеграцию. Более того тяжело отрицать ведущую роль России на постсоветском пространстве, что обусловлено историческим развитием региона.

Сложность применения евразийства к существующим интеграционным объединениям, в целом, связана с проблемой интеграции на постсоветском пространстве. Что в свою очередь не вписывается в рамки исследования.

Однако при всем при этом, в нынешних условиях начинает вырисовываться архитектура регионального взаимодействия в рамках структур, например применение контингента ОДКБ в ходе беспорядков в Казахстане в январе 2022 года. Данная ситуация важна в качестве примера или своего рода прецедента для дальнейшего возможного исполнения Договора о коллективной безопасности.

В этой связи видится уместным упомянуть о заявлении Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности приуроченному к юбилейному саммиту ОДКБ. В данном заявлении содержатся следующие положения:

1. «...сделанный нами выбор в пользу объединения усилий по поддержанию мира и безопасности на евразийском пространстве выдержал испытание временем»;
2. «Организация твердо исходит из безальтернативности решения существующих международных проблем политико-дипломатическими средствами и уделяет приоритетное внимание выработке скоординированных подходов к проблематике оздоровления международной обстановки, противодействия вызовам и угрозам, с которыми приходится сталкиваться государствам – членам ОДКБ»

3. «Осознавая свою ответственность за обеспечение прочного мира в евразийском регионе, подчеркиваем важность снижения напряженности на континенте и подтверждаем готовность налаживать практическое взаимодействие с Организацией Североатлантического договора» [36].

Данные цитаты становятся подтверждением евразийского вектора развития ОДКБ, что в последующем становится твердой базой для военно-политической стабильности в регионе.

Подводя итог данной части исследования, можно говорить о том, что евразийский характер внешней политики Российской Федерации, как уже было отмечено нами ранее, хоть и напрямую не закреплен в основополагающих документах, однако отдельные положения напрямую соотносятся с идеями евразийства. Более того, интеграция на постсоветском пространстве, которую на сегодняшний день абсолютно точно можно назвать евразийской, исходя из своей сути наделена духом идей евразийской концепции, что также было подтверждено в данном разделе исследования.

Таким образом, евразийство, на наш взгляд, является не только одной из теорий или концепций достойных исследования, а также может стать ответом на вызовы современного мира: переходный характер миропорядка и системы международных отношений, идеологических и иных противостояний на различных уровнях, а также стать одним из столпов для эффективного взаимодействия и углубления интеграции существующих наднациональных объединений на просторах евразийского континента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Евразийство, оформившееся в начале двадцатого века, как идеологическое обоснование исторического пути российского государства благодаря своей широте и глубине проработки может быть использовано на сегодняшний день в качестве базиса или же идейной основы во многих науках и их прикладных аспектах. Однако в рамках международных отношений евразийство приобретает вид идейно оконченной и самодостаточной теории, находящейся на стыке геополитических и цивилизационных аспектов.

Первостепенное значение в рассматриваемой теории уделяется российскому государству, во многом как самостоятельному и самодостаточному концепту, потому и применение данной теории в аспекте рассмотрения современной внешней политики Российской Федерации является актуальным вопросом, как с прикладной, так и с теоретической точек зрения.

При всем при этом необходимо отметить существование критики в адрес классического евразийства:

1. Евразийцы являются продолжателями славянофилов и их реакционных антиевропейских взглядов;
2. восприятие евразийцами культурно-исторического типа (а впоследствии можно говорить и о политическом аспекте) завязано на статической и автаркичной модели существования;
3. евразийцы делают слишком сильный акцент на азиатскую компоненту, то есть азиатское им ближе, чем русское.

Однако данная критика не явилась радикальной, во многом же способствовала гармонизации взглядов среди основоположников.

Стоит отметить, что как раз таки одним из недостатков данной концепции в теоретическом аспекте являлась неоднородность взглядов среди основателей теории. Вероятно оттого евразийство и не смогло стать прочным и

объединяющим течением, хотя и приобрело известность и широкий круг последователей.

Подводя итоги, на наш взгляд, весьма целесообразно дать характеристику евразийства как явления в рамках науки о международных отношениях, а также на основании рассмотренных положений и сделанных выводов в ходе исследования.

Евразийство – общественно-политическое течение, идеи которого сконцентрированы на: историческом пути России и его обосновании и самодостаточности российского государства как цивилизационного концепта, примате мировоззренческой составляющей в вопросе цивилизационной идентичности.

На сегодняшний день евразийство представлено несколькими течениями такими как: классическое евразийство, неоевразийство, прагматическое евразийство. Наиболее разработанным и актуальным сегодня является неоевразийство, суть которого можно понимать как ответ глобализации, вестернизации и односторонности культурно-политической парадигмы «коллективного Запада».

Данная трансформация видится закономерной, ибо актуализация идей классиков евразийства ввиду состоятельности теории в целом, становится логичным продолжением.

Важность евразийства на сегодняшний день не вызывает сомнений ввиду современного состояния системы международных отношений и миропорядка в целом. Неоднократно упоминаемая нами тщательность проработки оригинальной теории классического евразийства в контексте международных отношений содержит если не ответ на вопрос о будущем состоянии миропорядка, то по крайней мере один из вариантов возможного развития событий. В частности, евразийство предполагает построение многополярной мира на основании культурно-исторического аспекта, что в свою очередь соответствует современным тенденциям на международной арене.

Адекватное рассмотрение предпосылок становления евразийства в качестве неофициальной доктрины внешней политики Российской Федерации возможно ввиду того, что рассматриваемую теорию можно назвать относительно молодой. Более того многие явления способствовавшие становлению идеи в данном контексте являются событиями новейшего времени.

Таковыми предпосылками явились: уже упомянутая нами трансформация системы международных отношений и явление, описываемое классиками евразийства как противостояния России и Запада, которое на сегодняшний день приобретает облик санкционной политики, а в геостратегическом аспекте выражается в расширении НАТО на северо-восточном направлении.

В данном контексте применение формулы или максимы классического евразийства «Россия – Евразия» становится не только обоснованием, но и ответом на возникающие вызовы для Российской Федерации. Ведь по своей сути евразийство не является радикальным течением, которое бы могло привести деструктивные влияния как во внутренней политике страны, так и на международном уровне. Евразийство не сконцентрировано ни на славянских, ни на национальных или тем более иных шовинистических и ксенофобных началах, оно является идеей единения, что немаловажно для такого многокультурного и многонационального государства как Российская Федерация.

Проведение данного исследования было бы невозможно без рассмотрения наиболее острых вопросов международной повестки, имеющих место в евразийском регионе, а именно нынешнего витка украинского кризиса

Непосредственная озабоченность и сфера влияния Российской Федерации в данном вопросе бесспорна, что подтверждается в свою очередь проведенным анализом основополагающих документов: Концепция внешней политики Российской Федерации, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации.

Проведенный сравнительный анализ действующих и предшествующих версий документов показал, что положения отражающие изменения архитектуры международной системы не просто соотносятся с многими положениями евразийской теории, а во многом являются их продолжением.

В числе таких положений: культурно-исторический аспект (препятствие насаждению чуждых ценностей), стратегический (препятствие расширению НАТО), неизменный приоритет регионального аспекта (акцентуация на постсоветском пространстве и евразийской интеграции).

Все это еще более убеждает нас в том, что евразийство для Российской Федерации в вопросе внешней политики становится, если еще не стало исторически обоснованной концепцией, одной из особенностей которой является оборонительный характер, основанный на ее самобытности и самодостаточности в купе с неэкспансионистской и нонконфротационной внешней политикой современной России, что также закреплено в основополагающих документах.

Особое внимание уделено, как уже отмечалось, украинскому вопросу в контексте теоретическом, а именно взгляд евразийства, также была дана краткая международно-правовая характеристика немаловажных событий, таких как признание Донецкой и Луганской Народных республик.

Немаловажным вопросом, рассмотренным в ходе работы, стала евразийская интеграция. Актуальность соотношения векторов развития таких объединений как ЕАЭС, ОДКБ и Союзное Государство России и Беларуси с направлением внешней политики России неоспорима, а в контексте корреляции с постулатами евразийства создает четкое видение возможных перспектив. Особенно если учитывать, что прагматическое евразийство как течение, как раз таки и концентрируется на вопросах евразийской интеграции.

Что немаловажно, подобная корреляция ни коим образом не противоречит внешнеполитическому вектору, а именно партнерские и во многом дружественные отношения с КНР, строящиеся во многом на основании интересов стран, да и в целом взаимодействие с государствами востока

являются закономерным явлением применения евразийства в рамках международных отношений.

Более того применение постулатов классического евразийства в рамках данной формы интеграции становится ответом на возникающие вызовы. Особенно учитывая то, что концепция евразийства в классическом его понимании носит в определенной степени пацифистский характер, а более того опирается на социально-культурные аспекты, которые могут быть применены в том числе для построения качественного и плодотворного сотрудничества.

Также отметим, что сегодня возможно говорить о том, что формирование консолидированных позиций в рамках евразийской интеграции выходит на новый уровень, что в свою очередь помогает представить и спрогнозировать устройство региональной системы в будущем.

Таким образом, евразийство возникнув как идейно-мировоззренческое течение, оформившись в общественно-политическое, на сегодняшний день может рассматриваться и трактоваться в обоих ипостасях. Социально-культурные корни концепции в полной мере отвечают не только положениям отечественных воззрений, но и в определенной мере западным парадигмам, что делает евразийство одним из наиболее актуальных концептов, применение которого возможно не только на национальном, но и на региональном уровнях, более того отдельные положения евразийства могут быть настолько же актуальны и для глобальной системы международных отношений.

Евразийство есть теория о золотой середине, оттого способно стать полноправной основой для внешней политики Российской Федерации, учитывая и национальные интересы, и особенности внешнеполитических явлений.

Однако, стоит отметить, что как бы идеалистична ни была теория евразийства в рассматриваемом аспекте, необходимо понимать, что для имплементации ее положений необходимо использовать лишь те постулаты, которые приведут к развитию, ведь все же одним из недостатков теории

является порой чрезмерно гипертрофированное чувство самодостаточности и оттого возникает опасность автаркии в том или ином виде.

В ходе написания данной работы были достигнуты изначально поставленные цели и задачи, а именно:

1. проанализированы исторический и политический аспекты появления и развития идей евразийства;
2. проанализированы предпосылки становления идей евразийства в качестве внешнеполитической доктрины России;
3. проанализированы внешнеполитические средства реализации идей евразийства.

А также сделаны соответствующие выводы, описанные выше.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Купин, В. Н. Евразийская идентичность России как цивилизационно-геополитический феномен и фактор глобальной безопасности / В. Н. Купин // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2020. – №3-2. - С. 505-510.
2. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – Москва: Рипол Классик, 2010. – 663 с. – ISBN 978-5-4241-4597-1.
3. Кошарный, В. П. Предъевразийские мотивы в социологии Н. Я. Данилевского / В. П. Кошарный // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2021. – №2 (58). – С. 110-116.
4. Люкс, Л. Евразийство / Л. Люкс // Евразийство и мир. – 2018. – №1. – С. 3-15.
5. Трубецкой, Н. С. Европа и человечество / Н. С. Трубецкой // София : болгарское книгоиздательство. – 1920.
6. Арефьев, М. А. Евразийство в контексте отечественной культурофилософской мысли как альтернатива идеологии глобализации / М. А. Арефьев, А. В. Зыкин // Человек. Общество. Наука. – 2021. – Т. 2. – №. 2. – С. 13-22.
7. Бердяев, Н. А. Евразийцы / Н. А. Бердяев. – Москва: Рипол Классик, 2018. – 109 с. – ISBN: 978-5-521-06752-7.
8. Базавлук, С. В. Критика евразийства и неоевразийства / С. В. Базавлук // Постсоветские исследования. – 2018. – №8. – С. 726 – 735.
9. Лещенко, И. И. Неоевразийство в контексте глобальных трансформаций / И. И. Лещенко, В. Д. Шаповалова // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы VI Международной научной конференции. Т. 8 / ДонНУ. – Донецк, 2021. – С. 272-273.
10. Немцев, М. Неоевразийство Александра Дугина и евразийство / М. Немцев // Гефтер. – 2018. – С. 6.

11. Радкевич, К. В. Евразийство и геополитика: социальные мифологемы / К. В. Радкевич, А. В. Шабага // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2021. – №1. – С. 139-153.
12. Международное Евразийское Движение : официальный сайт. – Москва, 2003. – URL: <http://med.org.ru/article/1915> (дата обращения: 03.04.2022).
13. Геополитика : учебное пособие для вузов / А. Г. Дугин ; под редакцией Н. В. Мелентьевой. – Москва : Академический проект, 2015. – 585 с. – ISBN 978-5-8291-1737-5.
14. Дугин, А. Г. Евразийский реванш России / А. Г. Дугин ; под редакцией О. В. Селина. – Москва : Алгоритм, 2014. – 256 с.
15. Винокуров, Е. Прагматическое евразийство / Е. Винокуров // Россия в глобальной политике. – 2013. – Т. 11. – №2. - С. 49-58.
16. Лукин, В. Взгляд на Запад из России: безумие евразийства / В. Лукин // РСМД : [сайт]. – 2015. – 30 окт. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/vzglyad-na-zapad-iz-rossii-bezumie-evraziystva/?sphrase_id=90360221 (дата обращения: 12.05.2022).
17. Bremmer, I. How digital powers will reshape the global order / I. Bremmer // Foreign Affairs. The Technopolar Moment. – 2021. – Т. 100. – №6. – С. 1-18.
18. Санакоев, С. Застенчивость крон / С. Санакоев // РСМД : [сайт]. – 2002. – 6 мая. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zastenchivost-kron/?sphrase_id=90661397 (дата обращения: 21.05.2022).
19. Картунов, А. Почему мир не становится многополярным / А. Картунов // РСМД : [сайт]. – 2018. – 27 июня. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym/> (дата обращения: 21.05.2022).
20. Фененко, А. Что нужно для многополярности? / А. Фененко // РСМД : [сайт]. – 2018. – 6 июля. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and->

[comments/analytics/chno-nuzhno-dlya-mnogopolyarnosti/](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chno-nuzhno-dlya-mnogopolyarnosti/) (дата обращения: 21.05.2022).

21. Дегтерев, Д. Многополярность или «новая биполярность»? / Д. Дегтерев // РСМД : [сайт]. – 2020. – 16 янв. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/> (дата обращения: 21.05.2022).

22. Аллаяров, Р. А. Проблемы милитаризации Арктики в современном мире/ Р. А. Аллаяров // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2018. – №2. – С. 90-95.

23. Карнаухова, Е. Возможен ли вооруженный конфликт в Арктике в XXI в.? / Е. Карнаухова // РСМД : [сайт]. – 2021. – 22 сент. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/arcticpolicy/vozmozhen-li-vooruzhennyi-konflikt-v-arktike-v-xxi-v/> (дата обращения: 22. 05.2022).

24. Российская Федерация. Концепция внешней политики Российской Федерации: Концепция [утверждена указом президента РФ от 12 февраля 2013 года N Пр-251] // Кодекс. – 2013. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/499003797> (дата обращения: 20.05.2022).

25. Российская Федерация. Концепция внешней политики Российской Федерации: Концепция [утверждена указом президента РФ от 30 ноября 2016 года N 640] // Кодекс. – 2016. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420384312> (дата обращения: 20.05.2022).

26. Стратегия национальной безопасности 2021 года // Президент России : официальный сайт. – 2021. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 20.05.2022).

27. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Президент России : официальный сайт. – 2009. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/2> (дата обращения: 22.05.2022).

28. Литова, Е. Черный четверг: переговоры России и НАТО обвалили фондовый рынок / Е. Литова // Ведомости : [сайт]. – 2022. – 17 янв. – URL:

<https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/01/13/904698-chernii-chetverg>

(дата обращения: 23.05. 2022).

29. Химшиашвили, П. МИД раскрыл требования России к США по гарантиям безопасности / П. Химшиашвили, В. Вишнякова // РБК : [сайт]. — 2022. — 17 янв. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/12/2021/61bc677a9a794774aa95d5bd> (дата обращения: 23.05.2022).

30. МИД России опубликовал ответ Москвы по гарантиям безопасности. Полный текст // Российская газета : [сайт]. — 2022. — 17 фев. — URL: <https://rg.ru/2022/02/17/rossiia-opublikovala-na-otvet-ssha-po-garantiyam-bezopasnosti-polnyj-tekst.html> (дата обращения: 20.05.2022).

31. Как в мире отреагировали на признание Россией независимости ДНР и ЛНР. Обобщение // Интерфакс : [сайт]. — 2022. — 22 фев. — URL: <https://www.interfax.ru/world/823561> (дата обращения: 21.05.2022).

32. Соответствие одностороннего провозглашения независимости Косово нормам международного права : Консультативное заключение МС ООН 2010 года // The United Nations : официальный сайт. — URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1_add5.pdf (дата обращения: 21.05.2022).

33. Международный Суд ООН решил, что декларация о провозглашении независимости Косово не противоречит международному праву // The United Nations : официальный сайт. — 2010. — 22 июля. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2010/07/1167021> (дата обращения: 21.05.2022).

34. Донецкая Народная республика. Конституция // Народный Совет Донецкой Народной Республики : официальный сайт. — 2018. — URL: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 22.05.2022).

35. Кофнер, Ю. Нужно ли классическое евразийство для понимания и развития ЕАЭС / Ю. Кефнер // РСМД : [сайт]. — 2019. — 29 сент. — URL: https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/34846/?sphrase_id=90360221 (дата обращения: 23.05.2022).

36. Заявление Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности в связи с 30-летием Договора о коллективной безопасности и 20-летием Организации Договора о коллективной безопасности // Кремль : официальный сайт. – 2022. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/5800> (дата обращения: 23.05.2022).

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

Т.Ю. Сидорова

подпись инициалы, фамилия

« 25 » мая 2022 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Доктрина евразийства во внешней политике Российской Федерации

Руководитель

Т.Ю. Сидорова
подпись, дата

зав.кафедрой, к.ю.н
должность, ученая степень

Т.Ю. Сидорова

инициалы, фамилия

Выпускник

С.А. Воронин. 24.05.22.
подпись, дата

С.А. Воронин

инициалы, фамилия

Красноярск 2022